

УДК 347.65/68

Гаджиев А.А. оглы

Российский университет дружбы народов, Москва

Гудименко Г.В.

Воронежский экономико-правовой институт, Воронеж,

e-mail: galinagudimenko@yandex.ru

НАСЛЕДСТВЕННЫЙ ДОГОВОР В ПРАВОПОРЯДКАХ РАЗЛИЧНЫХ СТРАН

Ключевые слова: законодательство, гражданское право, наследственное право, наследственный договор.

Наследование является основной гарантией права частной собственности, обеспечивает уровень культуры частного права и демонстрирует особенности существующих правовых систем в современном мире. Введение в российскую практику конструкции наследственного договора и использование его в сфере регулирования наследственных отношений сопряжено с рядом существенных неопределённостей и ограничений. Институт наследственного договора является традиционным для немецкого наследственного права. А, например, во Франции, несмотря на попытки унификации общеевропейских стандартов регулирования наследственных отношений и призыва ввести институт наследственного договора во французское наследственное право, так и не пошли на включение этого способа передачи наследства в гражданское законодательство. Изучение зарубежного опыта позволяет проследить определённые тенденции его существования в системе гражданско-правовых обязательств, положительные и отрицательные моменты его использования в сфере наследственного права. В статье отражены результаты сравнительно-правового исследования регулирования наследственного договора в правопорядках Германии, Франции и России.

Gadzhiev A.A. ogly

Peoples Friendship University, Moscow

Gudimenko G.V.

Voronezh Institute of Economics and law, Voronezh, e-mail: galinagudimenko@yandex.ru

HEREDITARY CONTRACT IN THE LEGAL SYSTEMS OF DIFFERENT COUNTRIES

Keywords: legislation, civil law, inheritance law, inheritance contract.

Inheritance is the main guarantee of private property rights, provides a level of culture of private law and demonstrates the features of the existing legal systems in the modern world. Introduction into the Russian practice of the construction of the inheritance contract and its use in the sphere of regulation of hereditary relations is associated with a number of significant uncertainties and limitations. The Institute of inheritance contract is traditional for German inheritance law. And, for example, in France, in spite of the attempts of unification of the European standards of regulation of hereditary relations and the call to introduce the institution of the hereditary contract in the French law of succession, and the inclusion of this method of transfer of the inheritance in the civil law. The study of foreign experience allows us to trace certain trends in its existence in the system of civil obligations, positive and negative aspects of its use in the field of inheritance law. The article reflects the results of a comparative legal study of the regulation of the inheritance contract in the legal order of Germany, France and Russia.

Введение

Наследственный договор является одной из наиболее противоречивых и неоднозначных юридических конструкций в области наследственного права. Его введение и использование в сфере регу-

лирования наследственных отношений сопряжено с рядом существенных неопределённостей и ограничений, в отношении которых высказываются весьма различные, а нередко и совершенно противоположные аргументы. На примере

ряда национальных правопорядков, в которых этот вид договора используется для юридического оформления наследственных отношений уже достаточно давно, можно проследить определённые тенденции его существования в системе гражданско-правовых обязательств, положительные и отрицательные моменты его использования в сфере наследственного права, конкретные теоретические и практические аспекты осуществления участникам наследственных отношений своих прав и исполнения обязанностей посредством конструкции наследственного договора.

Далеко не все страны обращаются к практике использования наследственных договоров. Причём в значительной части стран этот вид договоров не предусматривается либо вовсе прямо запрещён. Поэтому говорить сегодня о каком-либо устойчивом единообразии и однородности подходов к институту наследственного договора, конечно же, не приходится, что в значительной степени продиктовано самой природой и юридическим характером этого вида гражданско-правовых сделок. Однако при этом также проявляется и другая тенденция, а именно, что проблематика использования наследственного договора в сфере наследственного права остаётся одной из дискуссионных и обусловлена устойчивым интересом исследователей к ней.

Вводимая в российское наследственное право юридическая конструкция наследственного договора требует научного разъяснения и исследования. **Целью** настоящего исследования является сравнительно-правовое исследование правового регулирования наследственных отношений в России, Франции и Германии. Это особенно актуально, так как внедряемые в российское законодательство новые наследственно-правовые механизмы и конструкции, с одной стороны, заимствуются из зарубежных правопорядков, а с другой – опыт зарубежных стран является в этом отношении необходимым средством для анализа этих конструкций и других институтов наследственного права.

Методы исследования

В исследовании использованы методы общенаучного и частно-научного

характера. Специфика исследования обусловила использование в качестве одного из основных методов сравнительного анализа, основанного на научных разработках французских, немецких и российских правоведов. Настоящее исследование концентрируется на актуальности анализа наиболее проблемных моментов состояния и развития правового регулирования наследственных отношений в России, Франции и Германии.

Результаты исследования

Анализируя процессы в области наследственного права по рассматриваемой проблематике, как в российском, так и в зарубежном гражданском праве, можно выделить несколько существенных моментов:

- во-первых, сравнительный анализ некоторых национальных подходов к регламентации и трактовке наследственного договора, с одной стороны, показывает очевидную неоднородность в восприятии и понимании природы и правовых последствий этого типа гражданско-правовых сделок, а с другой – существует и легко прослеживается тенденция обращения к этому институту, которая проявляется как в попытках введения этого института в наследственное право (например, российское законодательство), так и в попытках смягчения категоричности отказа от использования наследственного договора, который отныне допускается в случаях специально предусмотренных законом (например, французское гражданское законодательство);

- во-вторых, как показывает конкретный опыт регулирования наследственных договоров в ряде национальных правопорядков (Германия, имея уже более чем вековую практику, России – на уровне пока ещё не введённого в действие закона об изменении гражданского законодательства) или их ограниченного признания (Франция), не только не существует какой-то универсальной формулы разрешения этого вопроса – о регулировании наследственного договора или обосновании конкретных причин его запрета.

Напротив, конкретные подходы отличаются существенной спецификой. Так, если в немецком гражданском зако-

нодательстве наследственный договор, не смотря на не прекращающиеся дискуссии о его правовой природе и применении, в целом органично включён в наследственное право (книга пятая, раздел четвёртый ГУ ФРГ), то в пока ещё не введённом в действие российском законе содержится совокупность норм о наследственном договоре (в виде одной объёмной статьи), которые одновременно отличает как стремление очень сдержанно и ограничено допустить этот вид договоров в систему наследственного права, так и нацеленность на то, чтобы урегулировать отношения, которые могут возникнуть из наследственного договора, по существу, в виде дополнения, а не самостоятельного института, к традиционным юридическим конструкциям наследования.

Последнее обстоятельство невольно поднимает вопрос о том, что, если, по замыслу российского законодателя, сама идея и соответствующая юридическая конструкция наследственного договора являются столь противоречивыми и требующими очень сдержанного регулирования, то, учитывая мировой опыт, совершенно неочевидной становится привлекательность вообще, а точнее, полезность или востребованность этого вида юридического конструирования и обеспечения наследственного правопреемства [6].

При этом, как показывает анализ соответствующих доктринальных подходов к оценке положительных и отрицательных сторон юридической конструкции и социальной нацеленности наследственного договора, то в значительной степени они акцентируют лишь одно обстоятельство, а именно то, что этот вид договора, как двусторонняя сделка, придаёт защите интересов наследников и иных выгодоприобретателей большую устойчивость и гарантированность (по крайней мере, нацелен на это), но для наследодателя преимущества наследственного договора совсем неочевидны, что подтверждает и практика, например, в Германии;

- в-третьих, даже в те случаях, когда юридическая конструкция наследственного договора сохраняется и используется уже долгое время, как например, в Германии, до сих пор существуют яв-

ные противоречия в понимании правовой природы наследственного договора и при выборе применимых норм гражданского законодательства [4].

В Германии наследственный договор рассматривается, так же, как и завещание, как исключительно личная сделка [7]. Соответственно, как того требует §2274 ГУ ФРГ, наследственный договор должен быть подписан наследодателем лично, а представительство при этом запрещено.

Напротив, для другой стороны наследственного договора такая возможность вовсе не исключается. При этом способность наследодателя заключить соответствующий договор не исчерпывается ни дееспособностью завещателя (§ 2229), ни дееспособностью вообще (§104). Для определения дееспособности наследодателя заключить наследственный договор действуют свои собственные правила. Согласно § 2275 ГУ ФРГ наследодатель только тогда вправе заключить наследственный договор, когда он имеет неограниченную дееспособность. Несмотря на абсолютный характер требований этой статьи, немецкое гражданское законодательство всё же допускает исключения из этого правила.

С точки зрения формы наследственный договор может быть заключён только при одновременном присутствии обеих сторон. Наследственный договор подлежит заключению и удостоверению в нотариальном порядке. Немецкое гражданское законодательство запрещает рукописный вариант наследственного договора, который составляют сами стороны. Для заключения наследственного договора предусматриваются два способа:

– во-первых, путём сообщения нотариусу волеизъявления сторон заключить наследственный договор;

– во-вторых, путём передачи ему открытого или закрытого письменного заявления с публичным разъяснением, что это заявление содержит последнюю волю наследодателя.

Существуют особенности в отношении формы наследственного договора в том случае, когда он заключается между супругами или помолвленными и при этом вместе с брачным договором в одном акте. В этом случае наследственный договор полностью подчиняется тре-

бованиям к форме брачного договора, что в действительности означает даже более строгие требования к форме и порядку заключения договора.

В немецкой юридической литературе анализируется также проблема допустимость и возможность заключения наследственного договора посредством процессуального соглашения сторон в суде, поскольку судебный протокол согласно § 127a ГУ ФРГ может заменить нотариальное удостоверение. По данному вопросу высказываются различные точки зрения. Проблематичной является такая возможность замены судебных протоколом нотариального удостоверения в случае с наследственным договором особенно тогда, когда интересы сторон в суде представляют адвокаты. Согласно § 2274 ГУ ФРГ допускается только личное волеизъявление наследодателя при заключении наследственного договора. С другой стороны, согласно § 78 ГПК ФРГ для заключения процессуального соглашения необходимо заявление процессуально уполномоченного адвоката. Собственно говоря, проблема решается таким образом, что для заявления на заключение договора со стороны представляющего интересы адвоката требуется ещё личное заявление (согласие) наследодателя.

Содержание наследственного договора согласно немецкому гражданскому праву не может быть определено по усмотрению сторон. В отличие от традиционных формул обязательственного права о содержании договоров, в сфере наследственного права, равно как и в сфере вещного права, используются строго определённые законом образцы договора. § 2278 ГУ ФРГ определяет, что в наследственном договоре могут содержаться соответствующие договору распоряжения на случай смерти и только о назначении наследника, завещательном отказе и завещательном возложении.

Всё остальное не может относиться к содержанию наследственного договора, а рассматривается как одностороннее выражение последней воли наследодателя, которое регулируется и определяется сточки зрения права на составление завещания. Возникает определённая структура содержания договора: с одной стороны, условия до-

говора на случай смерти (назначение наследника, завещательный отказ и возложение), которые являются безотзывными, а с другой – односторонние распоряжения на случай смерти (лишение наследства, определение очерёдности и порядка распределения наследства, установление порядка исполнения завещания и т.п.), которые соответственно могут быть отозваны.

Для идентификации наследственного договора среди других типов гражданских обязательств и юридических конструкций критерием является как раз требование, что в качестве одной из сторон договора должен быть наследодатель, который отдаёт распоряжения на случай смерти, которые включают три допустимых условия: назначение наследников, завещательный отказ и возложения [9].

Существенным является вопрос о «возмездности» наследственного договора. Немецкая доктрина гражданского права и судебная практика исходят из того, что категория возмездности применительно к наследственному договору невозможна, так как она является категорией не наследственного, а обязательственного права. По этому поводу интересным является замечание немецкого правоведа К. Шельхаммера, который пишет следующее: «Наследственный договор как таковой не может быть ни возмездным, ни безвозмездным, а лишь распоряжением на случай смерти; это просто иная категория. Возмещение может быть обещано лишь в рамках обязательственного права» [2].

Весьма любопытный пример для исследования проблематики наследственного договора даёт французское гражданское законодательство. Специфика французского гражданского законодательства и доктрины наследственного права состоит в том, что они, несмотря на примеры других стран, в том числе Германии, очень скептически относятся к юридической конструкции наследственного договора и его практической полезности. При этом в последние годы французское законодательство демонстрирует определённое движение в направлении смягчения категоричности отказа от наследственного договора. В связи с этим возникают не всегда

точные оценки тех причин, по которым такое изменение французского законодательства оказывается возможным. В первую очередь, следует отметить, французское гражданское законодательство по-прежнему не признаёт наследственный договор и весьма сдержанно относится к необходимости его введения, несмотря на те факторы, которые вынуждают его к некоторой податливости и изменчивости в этом направлении.

Традиционно во французском гражданском праве категорический запрет на признание и заключение наследственных договоров следовал из норм о пороках сделок, а именно, из принципиального запрета „*pactes sur succession future*“, т.е. сделок о наследстве на будущее. Этот запрет содержался до недавнего времени в ч. 2 ст. 1130 ГК Франции. Он, в частности, предполагал, что в отношении ещё не открывшегося наследства или какой-либо его части не могут заключаться соглашения, равно как нельзя заранее отказаться от него. Кроме того, ст. 791 ГК Франции предусматривает положение, согласно которому нельзя отказаться в брачном договоре от наследства в период жизни наследодателя. Также ст. 1389 ГК Франции в рамках установления границ договорной свободы при заключении брачного договора определяет, что супруги не могут устанавливать договорные правила, которыми бы изменялся порядок наследования.

Французское гражданское право следует трактовкам древних римских юристов, которые, в частности, исходили из того, что договоры, которые дают преимущества одному лицу в случае смерти другого лица, являются аморальными. Кроме того, заключение подобного соглашения рассматривается как опасное, так как бенефициар будет иметь повод к тому, чтобы способствовать наступлению смерти наследодателя («*votum mortis*»). Также существенным является то положение французского гражданского законодательства, согласно которому принцип свободной отмены завещания, служащий для защиты свободы права завещания, как полагают французские правоведы, совершенно не согласуется с обязательствами, которые могут возникнуть из наследственного договора.

Нарушение этого принципа рассматривается во французском гражданском законодательстве как влекущее признание такого договора абсолютно ничтожным.

В последние годы французское законодательство претерпело определённые изменения в отношении признания наследственных договоров. Основным катализатором изменений являются не внутренние причины, т.е. не те обстоятельства и условия, которые диктуются текущей внутренней правовой практикой и развитием юридической науки, а внешние требования унификации законодательства стран ЕС.

С 17 октября 2015 г. на территории стран ЕС вступила в силу директива Европейского парламента и Европейского совета № 650/2012 от 04.07.2012 г. «О юрисдикции, подлежащем применению праве, признании и исполнении решений, акцепте и исполнении свидетельств по наследственным делам, а также о введении европейского свидетельства о наследстве» [5].

В пояснительной части этой директивы разъясняется, что наследственным договором в праве стран ЕС признаётся вид распоряжения на случай смерти, допустимость и признание которого в странах-членах ЕС различны. Для того чтобы облегчить признание приобретённых на основе наследственного договора притязаний на наследство в странах-членах ЕС, настоящая директива должна определить, каким правом должны регулироваться юрисдикция таких договоров, их материальное действие и их обязательная сила, включая и условия их расторжения. При этом право, которому подчиняется юрисдикция и материальное действие распоряжения на случай смерти и при наследственных договорах не должно затрагивать права лица, которое согласно праву, подлежащему применению к определению правопреемственности по случаю смерти, имеет право на обязательную долю в наследстве или иное право, которое у него не может быть изъято лицом, имеющим отношение к наследству.

По мнению французского адвоката Ш. Штаде, директива ЕС о наследственных делах «сулит французской практике наследственного права далеко идущее изменение парадигмы», что, как подчёр-

кивает этот юрист, «влечёт за собой новые проблемы и вопросы» [3]. Как минимум, для французского наследственного и гражданского права в целом это означает, что возникают существенные проблемы и противоречия в отношении оговорки о публичном порядке, общего завещания супругов, наследственного договора, вопросов ограничения ответственности наследников, пределом действия исключительной юрисдикции и европейского свидетельства о наследстве, например, в связи с необходимостью перерегистрации права в публичных реестрах и т.д.

Ст. 1130 ГК Франции с 2007 г. претерпела целый ряд изменений и уточнений. Очевидно, самые существенные произошли в 2016 г. под влиянием указанной директивы ЕС о наследственных делах. Правда, французский законодатель не отменил запрет наследственных договоров, а лишь переместил соответствующую норму в главу ГК о наследовании.

Просто отныне эта норма, т.е. запрет наследственных договоров, содержится не в ч. 2 ст. 1130, а в ст. 722 ГК Франции, согласно которой соглашения, которые направлены на возникновение прав или отказ от прав на всё или часть неоткрытого наследства или иного имущества, составляющего его часть, допускаются только в тех случаях, когда они санкционированы законом. Кроме того, следует отметить, что существенно изменился характер нормы. Если ранее отказ носил категорический характер, то теперь наследственный договор признаётся французским правопорядком только в том случае, если это прямо предусмотрено законом. В действительности, пока этот вопрос ещё не проработан французским законодателем и пока нет таких конкретных случаев, когда французским законодательством прямо допускался наследственный договор, за исключением ограниченного признания в сфере международного наследственного права.

Таким образом, французское наследственное право, по существу, по-прежнему не рассматривает наследственный договор как перспективный и допустимый способ осуществления свободы наследодателя по распоряжению своим имуществом. В этом отношении сказывается действие принци-

па французского гражданского права о запрете «делок о наследстве на будущее». В отличие от немецкого и российского гражданского законодательства, наследственные договоры и совместные завещания пока не стали частью наследственного права во Франции.

Введённая в российское наследственное право юридическая конструкция наследственного договора – ст. 1140.1. Наследственный договор [1] (вступает в силу с 01.06.2019 г.) – вызывает ряд существенных замечаний.

Во-первых, данная конструкция вводится, по сути, в качестве правового эксперимента, так как ни в доктринальном, ни в законодательном плане нет никаких явных предпосылок к востребованности данного института. Единственное явное преимущество признания наследственных договоров в российском наследственном праве – это то, что таким путём отечественное гражданское законодательство становится ближе к единым стандартам регулирования наследственных отношений в странах ЕС, для которых институт наследственного договора объявлен одним из перспективных институтов.

Во-вторых, согласно ч. 1 ст. 1140.1 ГК РФ наследственный договор включает в себя два основных вида существенных условий – о круге наследников и порядке перехода прав на имущество наследодателя после его смерти к пережившим наследодателя сторонам договора или к пережившим третьим лицам, которые могут призываться к наследованию. Статья 1110 ГК РФ определяет, что представляет собой наследование, а именно – при наследовании имущество умершего (наследство, наследственное имущество) переходит к другим лицам в порядке универсального правопреемства, то есть в неизменном виде как единое целое и в один и тот же момент, если из правил ГК РФ не следует иное.

Соответственно, наследование согласно тексту этой статьи – это переход наследственного имущества к другим лицам на основе принципа универсального правопреемства. Согласно ч. 2 этой же статьи «наследование регулируется настоящим Кодексом и другими законами, а в случаях, предусмотренных законом, иными правовыми актами».

Однако в ч. 1 ст. 1140.1 говорится, что наследственным договором определяется «порядок перехода прав на имущество наследодателя после его смерти...», т.е. регулируется наследование.

Первая коллизия вводимой конструкции наследственного договора заключается в том, что предлагаемой законодателем редакцией ч. ст. 1140.1 ГК РФ прямо нарушается положение, установленное ч. 2 ст. 1110 ГК РФ, где договор не назван среди источников регулирования наследования. Вторая коллизия состоит в том, как понимать значение фразы «порядок перехода прав на имущество наследодателя» в контексте юридической конструкции наследственного договора.

Здесь снова возникают следующие соображения. Наследование трактуется в традиционном смысле, исходя из текста ст. 1110 ГК РФ, как переход наследственного имущества к наследникам. В ч. 1 ст. 1140.1 говорится не о том, что наследственным договором определяется порядок перехода имущества к наследникам, а регулируется порядок перехода прав на имущество [10]. Поскольку такая формулировка об определении «порядка перехода прав на имущество» соответствует во многом формуле наследования как такового, то каков же возможный и допустимый объём соответствующих определений в наследственном договоре? По существу, данная формулировка позволяет создавать в наследственном договоре «свой собственный» вид регулирования для наследственных отношений, «свое собственное» наследственное право в виде «определяемого порядка перехода прав на имущество наследодателя».

Ни из текста всей ст. 1140.1 ГК РФ, посвящённой наследственному договору, ни из сравнительного анализа с опытом других стран не следует никаких указаний на то, какую же полезную нагрузку может выполнять регулирование посредством наследственного договора «порядка перехода прав на имущество наследодателя». Для сравнения можно привести пример того, как определяют существенные условия наследственного договора согласно немецкому наследственному праву. Согласно § 1941 ГУ ФРГ наследодатель праве опреде-

лить в наследственном договоре следующее: – назначить наследников; – распорядиться о завещательных отказах и возложениях; – выбрать подлежащее применению наследственное право. В соответствии с ч. 2 этого параграфа ГУ ФРГ наследник по наследственному договору именуется как «договорный наследник» или «наследник по договору».

Таким образом, вводимая российским законодателем формулировка относительно содержания наследственного договора о том, что в нём должен быть определён «порядок перехода прав на имущества» вызывает существенные возражения. Объём содержания этой формулировки не может быть установлен определённо в контексте наследственного права и применяемого в нём понятийно-логического аппарата. По нашему мнению, редакция ч. 1 ст. 1140.1 ГК РФ уже сейчас (до вступления в силу) нуждается в существенных корректировках. Если наследственный договор является допускаемым законодательством видом распоряжений имуществом на случай смерти, наряду с завещанием, то именно «распоряжения» должны составлять содержание соответствующего акта [8]. Основное отличие наследственного договора от завещания состоит лишь в том, что первый является двусторонней сделкой и носит взаимобязывающий характер.

Появление наследственного договора как института в составе наследственного права вызывает много закономерных вопросов, которые пока не получили сколько-нибудь внятного разрешения. Уже одно то обстоятельство, что одна, но многосоставная и обширная норма ст. 1140.1 о наследственном договоре включена, по нашему убеждению, совершенно произвольно в состав главы 62 ГК РФ. Нонсенс заключается уже в том, что глава 62 посвящена определению правил наследования по завещанию, которое как минимум является односторонней сделкой, совершаемой в отношении имущества на случай смерти.

Выводы

Наследственный договор – это двусторонняя сделка, и из этого следует, что он имеет совершенно иную юридическую природу. Однако следуя бук-

вальной логике законодателя получается, что наследственный договор, отнесённый законодателем к составу главы 62 ГК РФ, признаётся разновидностью «завещания», т.е. односторонней сделки. Этот момент является весьма существенным.

Очевидно, что, по логике законодателя, статья 1140.1, помещённая в главе 62 ГК РФ, признаётся как бы специальным субинститутом в составе института «наследование по завещанию». Это, в свою очередь, предполагает, что нормы о завещании должны в такой ситуации рассматриваться как общие по отношению к специальным, сформулированным в ст. 1140.1 ГК РФ, что, вообще-то говоря, может привести к существенным нарушениям прав и законных интересов, не говоря уже о том, какие проблемы это может доставить для нотариальной и судебной практики по делам о наследовании.

Наследственный договор и завещание имеют некоторые общие черты, так как оба способа предполагают осознанное решение наследодателя относительно правовой судьбы своего имущества и имущественных прав на случай смерти. В этом смысле они являются юридиче-

скими конструкциями, опосредующими непосредственное волеизъявление наследодателя. При наследовании по закону юридическим основанием наследования является закон, по которому определяются правила наследования, очередность наследования, распределение наследственного имущества и т.п.

При наследовании по завещанию или наследственному договору основанием наследования выступает уже специальный юридический акт – соответственно односторонняя или двусторонняя сделка. При наследовании по завещанию или на основании наследственного договора наследование определяется на основе принципа диспозитивности, т.е. свободного усмотрения наследодателя. Иными словами, эти способы, в отличие от наследования по закону, носят дискреционный характер, непосредственно зависят от воли наследодателя. Соответственно, логичным обозначением при объединении наследования по завещанию и наследования на основании наследственного договора в составе одного раздела было бы обозначение их как таких способов наследования, которые основаны на свободном усмотрении наследодателя.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 19.07.2018 № 217-ФЗ «О внесении изменений в статью 256 части первой и часть третью Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 23.07.2018. № 30. ст. 4552.
2. Schellhammer K. Erbrecht nach Anspruchsgrundlagen. – 3 neu bearb. Aufl Heidelberg [u.a.]: Müller, 2010. – S. 243.
3. Stade S. Die EU-Erbrechtsverordnung aus französischer Sicht // Erbrechtspraxis ZErB. – 2015. – № 3. – S. 69-78.
4. Ulrich J. Der Erbvertrag als Problem von Rechtswissenschaft: eine rechtswissenschaftsgeschichtliche Untersuchung vor dem Hintergrund der Geschichte eines allgemeinen Vertragsbegriffs. – Tübingen: Mohr Siebeck, 2017. – S. 470.
5. Verordnung (eu) Nr. 650/2012 des Europäischen Parlaments und des Rates vom 4. Juli 2012 über die Zuständigkeit, das anzuwendende Recht, die Anerkennung und Vollstreckung von Entscheidungen und die Annahme und Vollstreckung öffentlicher Urkunden in Erbsachen sowie zur Einführung eines Europäischen Nachlasszeugnisses. – URL: <https://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:L:2012:201:0107:0134:DE:PDF>.
6. Гудименко Г.В., Самойлов Г.А. Проблема выбора права, подлежащего применению к наследованию, осложнённого иностранным элементом // Евразийский юридический журнал. – 2011. – № 12 (43). – С. 80-83.
7. Забелова Л.Б. Правовое регулирование наследственных отношений с иностранным элементом // Бизнес и право. – 2008. – № 10. – С. 34.
8. Карецкий Д.Н. Международное наследование в российском нотариате // Нотариус. – 2007. – № 5. – С. 12.
9. Матвеев И.В. Наследственный договор: зарубежный опыт и перспективы появления в гражданском праве Российской Федерации // Российская юстиция. – М.: Юрист, 2015. – № 1. – С. 6-9.
10. Петров Е.Ю. Наследственное право России: состояние и перспективы развития (сравнительно-правовое исследование) [Электронное издание]. – М.: М-Логос, 2017 – 152 с.